

УДК 323
ББК 66.3
В 37

Вершинин, Лев Рэмович.

В 37 Идем на восток! Как росла Россия / Лев Вершинин. —
Москва : Алгоритм, 2014. — 384 с. — (Собирая империю).

ISBN 978-5-4438-0840-6

Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток. Эти регионы мы привыкли воспринимать как привычную и неотъемлемую часть России. Так было далеко не всегда. Россия стала Россией, вырвавшись за тесные пределы Московского княжества. Русские казаки, воины и землепроходцы, шли на восток, чтобы создать великую империю, которая досталась нам в наследство от наших великих предков.

От Казани до далеких Ямала и Чукотки выросла наша страна всего за несколько столетий. Мы все слышали о колониальных империях европейских держав, но мало кто задумывался, что мы живем в стране, которая не просто смогла создать страну, занимающую 1/6 часть суши, но и удержать ее где грамотной политикой, где военной силой, а где России помог счастливый случай. Впервые в простой и популярной форме в этой книге рассказывается о том, как созидалась Империя.

Известный писатель, публицист и блогер Лев Вершинин известен как автор целого ряда остро политических и научно-популярных книг. С его труда, который станет настоящим подарком для всех, кто интересуется русской историей, мы начинаем серию «Собирая империю». Вас ждет подробный и увлекательный рассказ лучших авторов о том, как Россия в огне войн, в железной поступи казачьих отрядов и в шепоте дипломатических миссий из европейской далекой окраины превращалась в величайшую Империю.

УДК 323
ББК 66.3

ISBN 978-5-4438-0840-6

© Вершинин Л.Р., 2014
© ООО «Издательство «Алгоритм», 2014

Вместо предисловия

СУЕТА ВОКРУГ САРАЯ

Общеизвестно, что Куликовская битва была событием знаковым, но точки над «ё» не расставила. Спустя два года хан Тохтамыш взял и сжег Москву, после чего формальная зависимость Москвы от Орды восстановилась. Это не секрет. Вместе с тем, в последние два десятилетия, — и, как правило, из уст историков, склонных переоценивать прошлое, — звучат мнения, скажем так, достаточно политизировано окрашенные. Например, что, дескать, «Мамай был “бунтарем” и не принадлежал к роду Чингизидов, а Дмитрий Донской воевал с ним по заданию хана, будучи верным вассалом Орды, а Русь еще пару веков после того платила Орде унижительную дань, и этот факт упорно замалчивается». Буду откровенен: это раздражает. Даже не потому, что о нашествии Тохтамыша и сожжении Москвы писалось в школьных учебниках для 7 класса, а 98 лет, разделяющие битву и день, когда Иван III погнал послов Ахмата пинками, все-таки не «пара веков». Дело в том, что ключевым тезисом таких построений являются не эти второстепенные пунктики, а общая картина геополитической ситуации того времени, рисуемая с очевидным (хотя и не знаю, насколько осознанным) стремлением «занизить» роль Москвы в процессе сплочения Руси и разрушения ордынского влияния. Дескать, и Москву сожгли, о чем стараются умалчивать, и никакого смысла в победе не было, поскольку дань и после победы платили, и не за Русь умирали ратники на Куликовом поле, а по «заданию хана». Такая трактовка, на мой

взгляд, идеально укладывается в требования «новой мифологии» и служит недобрым целям.

А потому вспомним общеизвестное.

Великий темник (главнокомандующий) Мамай происходил из ногаев, внородовых кланов, державших Дикое Поле еще со времен великого темника Ногая, фактически отделившегося от Орды, и находившихся с Сараем в сложных договорных отношениях даже при Джанибеке. Как бы и подданные, но сложные, с характером и особыми правами. Волевой и талантливый джигит приглянулся последнему реально великому хану Большой Орды, получил в жены его внучку, став зятем («гурганом») и близким другом Бердибека, наследника Джанибека (в будущем отцеубийцы и последнего кок-ордынского хана по прямой линии Джучи). Опирался на родственников-ногайцев, ставших в годы «великой замятни» очень заметной силой, тем паче что слово «тюре» (Чингизид) для этих классических людей длинной воли было если и не совсем пустым звуком, то около того. Контролировал Крым с его торговлей, был невероятно богат и, как правило, удерживал столицу от имени подставных ханов, если же и оставлял ее очередному калифу на час, то ненадолго. На территории Кок-Орды, от Хаджи-Тархана до Булгар, влияние Мамай было реальным, но не абсолютным, как на юге: местные князьки были вполне независимы в своих уделах, подчас даже в ущерб «центру». Так, знаменитый набег Араб-шаха на нижегородские земли в 1377-м был Мамаю совершенно не нужен, поскольку Москва и так исправно посылала дань с нижегородских земель, зато после этого набега Москва заявила о невозможности платить положенную сумму. А когда Мамай послал Бегиича вразумлять слишком возомнивших о себе москвичей, те, как известно, дали картелям по ушам на Воже и вообще прекратили выплаты.

К слову. Были ли вообще русские княжества, условно объединявшиеся под Великим Столом Владимирским, вассалами Орды? Понятие «вассалитет» в «западном» смысле, со строгой лестницей, — как, скажем, в Иль-де-Франс, — ясное дело, применять нельзя. Но, безусловно, Русь несла на-

бор определенных обязанностей. Хан считался верховным арбитром, верховный князь выбирался из числа претендентов и утверждался ханом, с русских княжеств взималась ежегодная дань, а русские князья обязаны были поставлять вспомогательные войска для ордынских походов. Однако ко временам Дмитрия, Мамаю и Тохтамышу ситуация была прописана уже не столь четко. С начала «великой замятни» в Орде и развала ее на Синюю и Белую (за Волгой), поставка войск была явочным порядком прекращена, а размер дани постоянно снижался по ходу умнейшего лавирования между претендентами. А затем хан Амурат вообще дал «добро» на то, что Москва сама будет определять размер выплат, исходя из возможностей (конечно, некая средняя ставка предполагалась, но уже не оговаривалась). Тогда же и ярлык на княжение сделался сугубо юридическим документом, подтверждающим «особые права» Москвы, и только Москвы. То есть в описываемые времена великий князь московский вассалом Орды уже не был ни в коей мере, он был ее «данником», и едва ли будет ошибкой сравнить эту дань с теми «дарами уважения», которые императоры Китая из века в век отправляли северным кочевникам, исходя из того, что воевать выйдет дороже, чем откупиться.

Однако вернемся к Мамаю. Он, конечно, человек сильный, с трудностями справляться умеет, но в 1380-м положение выходит из-под контроля. В Хорезме возникает «фактор Тимура», Тимур выдвигает и спонсирует молодого, крайне амбициозного Тохтамышу, Тохтамыш по клочкам склеивает разбившуюся вдребезги Белую Орду и ставит перед собой задачу объединения всего улуса Джучи. То есть, конечно, не всего, поскольку в Хорезме сидит Хромец, но Дешт-и-Кипчак — обязательно. Он, собственно, уже ведет наступление на земли Кок-Орды, его отряды прорываются на левый берег Волги и даже занимают Сарай. Так что необходимо собирать все силы. Что невозможно без серебра. А Москва, самый надежный источник реального дохода, вожделенного серебра после Вожи не дает. Вернее, готова давать, но на своих условиях: без выплаты за те годы, когда

не платила (типа, компенсация за наезд Бегича) и в «урезанном» масштабе, «как при Амурате». Что никак не устраивает Мамаю, которого все больше поджимает время: весенний набег Тохтамыша на Сарай был пристрелочным, но следующей весной хан Ак-Орды, несомненно, придет всерьез. Кое-что, естественно, можно взять в долг у сарайских купцов, кое-что у — генуэзцев в Крыму, но все это капли в море.

В общем, без решения «московского» вопроса Мамаю никак. И дело даже не только в серебре. У великого темника катастрофический недостаток надежной живой силы. Ногаи, конечно, дело хорошее, но только на них не выехать, генуэские наемники и адыги не слишком впечатляют, на дружины волжских князьков вообще полагаться не приходится, это друзья до первого тохтамыша. А вот ежели сломать Москву и заставить, чтобы все было «как при Узбеке и Джанибеке», то бишь возобновить «дань кровью», гарантированную массовой выдачей заложников, — это решение. Это минимум вдвое увеличит войско, причем без вложения средств и за счет очень качественного личного состава, которому просто некуда отступать, поскольку всем понятно, что Тохтамыш, если победит, на рубежах Руси не остановится. В Москве это прекрасно понимают, как понимают и то, что поход Мамаю — это даже не Батыево нашествие, а нечто худшее. Бату требовал всего лишь повиновения, дани и вспомогательных войск, а Мамаю нужно ВСЕ, вплоть до перенесения центра улуса из ненадежного волжского Сарая западнее, о чем и в летописях сказано (*«Не запасайте на зиму корма, будет у вас довольно кормов»*). Так что Москва готовится к бою, и готовится, что называется, не по-детски. Ситуация, что интересно, ясна и дворцам, и хижинам, поскольку на княжеский зов «черный люд» стекается десятками тысяч, при том что ополчение было делом сугубо добровольным (никакой воинской обязанности и никаких методов принуждения в те времена и в помине не было). Более того, ситуация настолько жесткая, что на помощь Дмитрию выдвигаются и войска Литвы во главе с самим великим князем Ягайлой.

Опять к слову. Именно так. Вы не ослышались. Я в курсе, что традиционно принята версия о союзе Ягайлы с Мамаем, причем считается, что литовский князь, будучи совсем близко от Куликова поля, просто не решился вмешаться, боясь грозных московских ратей. Но давайте на секундочку отключимся от обаяния традиции и подумаем мозгами. Во-первых, что испугался — чужь; после битвы победители были в таком состоянии, что свежее литовское войско могло не просто брать их голыми руками, но и изгоном захватывать Москву. Чего сделано не было. Ибо незачем было. Москва Литве, конечно, не друг, но их вражда — частная, порубежная, городок туда, городок сюда; вся стратегия закончилась после провала московских походов Ольгерда. Зато Мамай — враг реальный, серьезный. Именно его ногаи контролируют Дикое Поле, тревожат только-только присоединенную после Синих Вод (где Ольгерд их же и разбил) Малую Русь. А победа Мамаю, с высочайшей степенью означающая и победу его над Тохтамышем, означает, что великий темник, решив первоочередные проблемы, вновь вернется к вопросу о Киевщине, Переяславщине и так далее. Так что какой резон Ягайле помогать Мамаю? Никакого. Зато в войске у Дмитрия срочно появляются два Ольгердовича, Андрей и Дмитрий, родные братья Верховного Князя. Перебеги? Ни в коем случае, клан Гедимина был настолько сплочен, что даже Витовт чуть позже простит Ягайле гибель отца, а ведь он — не Ольгердович. К тому же после Куликова поля оба брата не остались на Москве, почивать на лаврах, а достаточно скоро вернулись в Литву, где один вскоре умер, а второй позже погиб на Ворскле, сражаясь уже не под московским стягом, а под родным, литовским. То есть оба младших Ольгердовича действовали, как минимум, с ведома старшего брата. А то и вообще по приказу. Можно уверенно предполагать, что окажись удача не стороне Мамаю, Ягайла приказал бы атаковать татар. Но, поскольку одолела Москва, вмешиваться было уже ни к чему. Вот и простейшая разгадка загадочного «стояния» Литвы в десятке верст от Поля.

О самой битве говорить нужды нет. Ее масштаб и значение известны. На следующий год Мамай попытался остановить Тохтамыша, не смог и бежал в Крым, где благополучно погиб. А Тохтамыш, сойдя, так сказать, с танка, выяснил, что праздники кончились. Да, он воссоединил Улус Джучи, правда, без Хорезма, но в Хорезме — Тимур, тягаться с которым страшно (правда, позже он на свою голову таки попытается, но это будет очень нескоро). Однако воссоединение вещь хорошая, а деньги все-таки нужны, как и презренному Мамаю. Чтобы, как минимум, показать ордынцам обеих Орд, что за ним стоило идти, ибо не босяк-временщик, а реальный хозяин. Ногаев надо срочно перекупать, чтобы не тосковали по Мамаю и не искали «своих» претендентов. Джигитам из-за Волги тоже надо срочно платить, не то ведь взбунтуются, а подавлять бунт нечем. А еще ведь есть и хорезмийские заимодавцы, и Тимур оказывал помощь в кредит, но не безвозвратно. Откуда брать деньги? Казну Орды растратил на подготовку к войне Мамай, а что не растратил, то увез, и генуэзцы не отдадут. С транзита никак не получается. Пошлин с «волжского пути» мало, а «шелковый» иссяк: Тимур перемкнул караваны с «верхней» дороги на «нижнюю», это было одним из условий поддержки. Внутренние ресурсы тоже отсутствуют. Люди Мамай, перейдя к законному хану без боя, подложили новому владыке огромную свинью — в случае битвы и победы он бы просто ограбил Кок-Орду по праву завоевания, а теперь этой опции нет. Можно, конечно, начать репрессии и реквизиции просто так, но это будет сигналом к новой «великой замятне», не нужной ни Орде, ни Тимуру, ни Тохтамышу. Хан, конечно, конфисковал имущество князей, погибших на Куликовом поле, но это капля в море. Нужно еще.

То есть начинается все то же «Дай миллион!» в адрес Москвы. Уже с упором на то, что, дескать, хан теперь законный, так что и поступать надо по закону. На что Дмитрий, в принципе, даже не возражает. Но дьявол, как всегда, в нюансах. Москва соглашается на выплаты «как при Амурате». Это справедливо, на то и ярлык имеется. Тохтамыш

же, который в долгах как в шелках, стоит на том, что после Бердибека законных ханов не было, а все его предшественники — либо узурпаторы и цареубийцы, либо вообще не Чингизиды, а значит, воры и самозванцы. И раз такое дело, то москвичи сами виноваты, что платили непонятно кому, а сейчас должны уплатить дань за 18 лет, без всяких ссылок на каких-то мутных «амуратов». Можно в рассрочку. Но недолгую. И с процентами. О чем Москва, в свою очередь, не желает и слышать, ибо — с какой стати? По факту это уже отношения не вассала с сеньором, а бизнесмена с рэкетиром, когда проще от «зверька» откупиться, но только «по понятиям», а не как в последнее десятилетие прошлого века. При этом ссылки на то, что «хан законный», никакой роли не играют. По сути, вплоть до 1381 года Тохтамыш для Москвы был никем и звали его никак. Москвичам не было дела до молодого оглана из заяицких степей, не имевшего ничего, кроме огромных амбиций, крохотной кучки нукеров и права на белую кошму. Даже после 1377 года, когда Тохтамыш с помощью Тимура занял Сыгнак, переудушил конкурентов и стал легитимным правителем Белой Орды, ситуация никак не изменилась, поскольку все обязательства, которые были у Москвы, относились исключительно к Орде Синей. То есть, к Сарая. А там, пусть и под фактическим контролем Мамаю, правили полноценные Чингизиды. Иными словами, реальные основания предъявлять Дмитрию претензии у Тохтамыша появились лишь весной 1381 года, после полного поражения Мамаю, исчезновения «его» хана Араб-Шаха и воссоединения Орды. Будь предположения о «покорном исполнении приказа» хоть как-то похожи на истину, логично было сразу после победы над узурпатором ждать исполнения Москвой ханских требований и, как полагалось, визита князя в Сарай с личными изъявлениями покорности и за заслуженной наградой. Чего не было и в помине.

Тохтамыш, однако, зверел от безденежья. Он буквально клевал по зернышку, дойдя до торговли липовыми бумажками вроде ярлыка на Великое Княжение, выданного нижегородским князьям, хотя заплатить эти бедолаги могли су-

щие гроши (основную часть налогов в их вотчинах собирала Москва). К осени хан, уже окончательно, судя по всему, поехав мозгами, совершил то, что ни до него, даже во времена «великой замятни», ни после не делал никто: приказал перехватывать и грабить русские караваны. Причем не только тайно, в степи, где они были защищены степным торговым правом и Ясой, но и официально, на сарайской ярмарке, где они были защищены шариатом. Товары и деньги изымались, купцов бросали в зиндан на предмет выкупа. По сути, хан рубил последний сук, на котором сидел, — «волжский» путь транзитной торговли. Это было чистое безумие. Но Тохтамыш, как известно, при всей своей бешеной воле, энергии и амбициях был не стратегом, а еле-еле тактиком, причем очень хреновым. Главным для него было не то, что будет завтра, а то, что большой единовременный доход, полученный с этой уголовщины, позволил заткнуть самые зияющие, первоочередные дыры. Но теперь никаких вариантов, кроме похода на Москву, у хана вообще не оставалось.

Экссесс 1382 года уникально своеобразен. В принципе, не случись по ходу дела падения Кремля, это мероприятие осталось бы в памяти потомков всего лишь крупным набегом по принципу «хватай и беги». Походом, более того, СОБЫТИЕМ, оно стало исключительно в связи с падением и сожжением Кремля. Этот инцидент был столь громок и неприятен, что московской пропаганде пришлось задним числом валить вину на кого угодно. Досталось и вечно во всем виноватому Олегу Рязанскому, якобы «показавшему Тохтамышу броды на Оке» (словно татары, уже полтора века грабившие рубежи Рязанщины, не знали этих бродов). Огребли свое и нижегородские князья, опять же якобы обманувшие москвичей (хотя говорили они чистую правду: они и в самом деле пришли править, имели ярлык и никак не подозревали, что случится на самом деле). Но на самом деле Москва, конечно, понимала неизбежность появления Тохтамыша и готовилась. Только готовилась она по-крупному, исходя из того, что хан, как всегда бывало, прежде всего ударит в направлении Владимира, чтобы провести инаугурацию своих

новых фаворитов. Именно там, к северу от Москвы, были расположены войска, предназначенные встретить неприятеля, и именно туда направился Дмитрий, когда — неожиданно — Тохтамыш повернул на Москву. Была ли допущена ошибка? Вряд ли. Москвичи закладывались на политический подтекст ордынского похода, и никто не мог даже допустить, что истинной целью хана будет вульгарная, не слишком скрываемая уголовщина — грабеж с отчетливой линией на уход от крупных сражений с русскими ратями. Собственно, и падение московской крепости было казусом, который невозможно было просчитать, итогом не слабости стен или гарнизона, а паники в городе, тупости коменданта и (главное) предательства митрополита Киприана, на которого Дмитрий фактически оставил город, никак не предполагая, что у митрополита попросту сдадут нервы. Позже владыка, струсивший и бросивший паству, так и не решился вернуться в Москву, исполняя обязанности издалека.

Все, что творилось после падения Кремля, — скорее трагифарс, нежели трагедия. Ограбив княжескую казну и монастырские ризницы, Тохтамыш срочно развернулся и отбыл в родные степи, не озаботившись даже собрать растекшееся по весям на предмет грабежа воинство, попавшее под клинки небольшой, но мощной дружины Владимира Серпуховского, а затем практически в панике, мелкими отрядами бежавшее при известии о приближении основной рати. На уровне обоснованных предположений позволю себе допустить, что такой вариант как раз и был по душе хану: основная часть его войска состояла из ак-ордынских джигитов, считавших себя пупом земли по факту устранения Мамая, и плачевное бегство помогало поставить их на место. Не говоря уж о потерях, позволяющих сократить выплаты за поход 1381 года.

По большому счету, выигрыш Тохтамыша был весьма скромнен. Очень богато подогревшись в Москве, он сумел решить первоочередные проблемы, раздать кому надо награды, отослать дань Тимуру и расплатиться с хорезмийскими кредиторами. Плюс получил на несколько лет впе-

ред гарантии стабильного получения «выходов» — москвичи, оказавшись перед необходимостью восстанавливать столицу и нуждаясь в передышке, уже не могли держать тот фасон, что раньше, и согласились возобновить выплаты, отправив наследного княжича Василия в Сарай в качестве заложника. Но — все на тех же условиях, что и ранее, — «как при Амурате», безо всяких платежей «за прошлых царей», и Тохтамыш это проглотил. Более того, он отозвал ярлык, данный нижегородским князьям, подтвердив неотъемлемую принадлежность великого стола Москве. С этого момента выплаты все более принимают эпизодический характер; чем больше залезает в свои неудачные эксперименты Тохтамыш, тем меньше поступает денег из Москвы, а после бегства Василия ручеек иссякает совсем, и даже новый крупный поход на Москву нового сильного человека Орды, Едиге, — уже после краха Тохтамыша, — картины не меняет. Потоптавшись под стенами Кремля, татары уходят во свояси без особого нава, что вскоре станет причиной падения Едиге и новой замятни в Орде. Последний же договор о «дани» будет заключен Москвой много позже, после поражения Василия Темного в битве с казанским Улу-Мухаммедом, и выплаты будут уже не признаком зависимости, а, по большому счету, колоссальным, но единовременным выкупом за плененного князя. Такая себе контрибуция...

Собственно говоря, примерно в это время Москва впервые и всерьез заявляет о себе как о претенденте на роль нового объединяющего центра — верховного арбитра и гаранта порядка на всем пространстве, ранее контролируемом Ордой.

ЧАСТЬ I

Глава I

КАЗАНЬ БРАЛ...

Для начала чуть-чуть теории. Доморощенные «эуропейцы», обожающие топырить губы, сравнивая Московскую Русь с Ордой, не понимают одного совершенно элементарного нюанса. Того простенького факта, что, если уж строго терминологически, то Орда — это всего лишь Ставка. Центр. Не более, но и не менее. А по сути — смещенный на Восток аналог т. н. «Священной Римской Империи германской нации». Которая, кстати, на поверку не была ни «священной» (мало ли кто как себя называет, да и протестантов там имелось в избытке), ни «Римской» (ибо Рим ни секунды не был ее столицей), ни «германской» (поскольку включала, кроме немецких, также итальянские и славянские земли). И точь-в-точь как Орда, являлась рыхлым конгломератом предельно непохожих друг на друга «улусов», от вольных городов-республик и мелких сеньорий до централизованных королевств, имеющих свои законы и относящихся как друг к дружке, так и к центру по-всякому. Более того, сам Центр зачастую бывал сугубо номинален. И тем не менее его уважали, к нему прислушивались, к нему старались быть поближе. По той простой причине, что наличие Центра предполагало и наличие некоего единого порядка, законности, арбитража. То есть, пусть в какой-то мере, но гарантировало поддержание стабильности. Именно поэтому даже в периоды предельного ослабления Орды отдельные ее улусы, даже в моменты взлета, не стремились к полному освобождению, соблюдая положенный пиетет, выплачивая пусть символические, но взносы и по умолча-

нию подчиняясь арбитражу. Если же слабость традиционного Центра становилась необратимой, естественным образом возникала тенденция к его переносу в тот или иной улус, способный выполнять функции центра эффективнее. Поняли, нет? Впрочем, неважно.

Старший по общаге

Улу-Мухаммед, потомок Джучи по линии Тука-Тимура, был, очевидно, последним ханом Большой (Синей) Орды, всерьез способным восстановить хотя бы относительный закон и порядок на территории от Днестра до Волги. Талантливый полководец, дипломат и политик, он добился очень многого, но в итоге проиграл мелочи, не годившейся ему в подметки, — именно потому, что эта мелочь, разорвав и поделив Орду, не хотела очередного усиления ханской власти. Однако, имея голову на плечах, военный талант и далеко идущие планы, не смирился, ушел на Каму, в земли бывшего Булгарского царства, где был с восторгом встречен населением. Что и понятно: богатейшие земли вокруг Казани, перегнавшей к тому времени захудавшие Булгар и Биляры, не имели реальной защиты, и грабили их все подряд, от русских ушкуйников до татарских беспредельщиков. Здесь хан быстро укрепился, создав базу для реализации реставрационных планов. Естественно, восстановление контроля над русскими землями при этом рассматривалось как первый этап большого пути, тем паче что на Руси не все было ясно в смысле гражданского мира, наследники Донского увлеченно ослепляли один одного, и Улу-Мухаммед не сомневался в успехе. Среднее Поволжье он рассматривал как базу для реставрации, а Московское княжество — как первый этап этого процесса. Походы 1439-го, 1444-го, 1445 годов были очень удачны, а попытки Москвы огрызаться — наоборот, вплоть до разгрома великокняжеских войск, пленения Василия Темного и расширение власти Улу-Мухаммеда над Русью. Вплоть до восстановления «баскачества»! На Русь, чего не было уже лет сто, вводился гарнизон «смотрящих» во главе с Касимом, сыном хана. Походы продолжа-

лись и после смерти Улу-Мухаммеда, при его сыне Махмуде. Но агрессивный потенциал Казанского ханства быстро выдыхался. Внутренне укрепившись, наладив экономику и приведя в порядок управление, наследники Улу-Мухаммеда быстро теряли темп, и это было очевидно всем. В частности, «баскак» Касим, любимый сын покойного хана, после отказа Москвы от выплаты дани предпочел не оспаривать престол, на что имел полное право, а остаться на Руси, присягнув великому князю и получив в удел вполне автономное «ханство», названное в его честь Касимовским. Казанские царевичи вошли в высший московский бомонд и верно служили новому сюзеру, сражаясь не только с Дмитрием Шемякой, но и с собственными соплеменниками.

В 1467 году вектор сменился окончательно. Казань уже не стремится подчинить Москву, понемногу переходя в глухую оборону, Москва же постепенно начинает набирать очки. Все долгое царствование хана Ибрагима и его наследников было попыткой если и не переломить ситуацию, то хотя бы сохранить баланс. Войны шли практически непрерывно, с переменным успехом, однако с постоянным нарастанием перевеса Москвы. В самой же Казани возникла и все более укреплялась «московская» партия, вопреки мнению партии «степной», по-прежнему разделяющей доктрину Улу-Мухаммеда, полагающая, что борьба за роль нового центра проиграна и ханству следует принять новые реалии. Межпартийная борьба была шекспировски страстна и кровава, кто-то погибал, кто-то эмигрировал, кто-то возвращался — с ногайской ордой или русской подмогой, ханы сменяли друг дружку, но в конечном итоге, в 1487-м, московское войско, без штурма войдя в Казань, утвердило на престоле уже не раз свергнутого и возвращавшегося Мухаммед-Амина. Между прочим, запомнившегося современникам фразой *«Если на то воля Аллаха, чтобы Сарай был в Москве, а не в Казани, следует ли мусульманам оспаривать это?»*. Именно он впервые официально присягнул Ивану III, положив начало эпохе вассалитета. Он же был и последним представителем династии Улу-Мухаммеда по